

— Князь, — Сыма Шаоцзюнь поклонился и, взглянув на него, произнес. — Чжао-ван, должно быть, уже сбежал.

Чжао-ван? Цинь Юй на мгновение задумался, но тут же всё понял и, взглянув на Юэ Хуна, приказал:

— Немедленно прикажи Ван Мэну возглавить войска и перехватить Чжао-вана. Он должен быть схвачен.

— Слушаюсь, — Юэ Хун тут же удалился.

Во дворе воцарилась тишина. Вдали Сяо Фу-цзы, заметив их, незаметно удалился. Цинь Юй постоял некоторое время, затем толкнул дверь и вошёл внутрь. Сыма Шаоцзюнь, немного поколебавшись у входа, последовал за ним.

— Ваше Высочество, наследный принц, зачем вы предупредили меня? — Цинь Юй сел за стол, машинально взглянув на деревянную шкатулку на столе.

— Чтобы доказать, что я не обманывал вас, князь. Вдовствующая императрица... уже стала вдовствующей императрицей, — ответил Сыма Шаоцзюнь.

— И что дальше?

Сыма Шаоцзюнь слегка опустил голову, не отвечая. Цинь Юй посмотрел на него некоторое время, затем произнёс:

— Ваше Высочество, лучше бы вы честно сказали, что у вас на уме. Иначе... могут быть неприятности.

— Сегодняшние события не случайны, — Сыма Шаоцзюнь оставался в той же позе, не глядя на него, продолжал. — Генерала Ли приказали арестовать с помощью верительной бирки, потому что все уже давно считали, что это рано или поздно произойдёт.

— И что?

— Так что вам, кроме как двигаться дальше, ничего не остаётся.

— Сыма Шаоцзюнь, — Цинь Юй взглянул на него, прищурив глаза. — Я спрашиваю, почему вы так заботитесь о моих действиях? Что вы замышляете?

Замышляю... Сыма Шаоцзюнь сложил руки вместе, наконец взглянул на него, слегка вздохнул и произнёс:

— Ваша государственная политика не сможет быть реализована в Миньюэ только с помощью Ань Цзыци. Вам нужен человек, который знаком с Миньюэ, понимает запутанные отношения местной знати. И никто не подходит для этого лучше, чем я.

— Ваше Высочество хотите вернуться на родину? — Цинь Юй усмехнулся.

— Разве не так должно быть? — Сыма Шаоцзюнь взглянул на него.

— Верно, — Цинь Юй кивнул, соглашаясь с его словами, и с улыбкой произнёс. — Если я сделаю шаг вперёд, это станет настоящей катастрофой для Миньюэ. Вы, Сыма Шаоцзюнь, больше никогда не покинете столицу.

Цинь Юй направился к выходу. Сыма Шаоцзюнь резко встал, догнал его и сказал:

— Князь, это выгодно для нас обоих. Вы должны знать, что сейчас вы уже...

— Ваше Высочество, наследный принц, не все, как вы, стремятся к власти и борются за трон, — Цинь Юй резко обернулся и холодно посмотрел на него.

Лицо Сыма Шаоцзюня изменилось, он сжал руки и, глядя на него, произнёс:

— Вы думаете, у вас ещё есть путь к отступлению...

— Есть! — Цинь Юй громко крикнул, поднял руку, словно собираясь схватить его за воротник, но опустил её, дрожащим голосом произнёс. — Вам мало того, что вы погубили молодого маркиза Му? Вам нужно разрушить и мой второй путь к отступлению?

— Ха... Вы думаете, что без меня вы сможете избежать всего этого? Вы думаете, это действительно из-за меня? Ваше Высочество! Вы родились здесь! — Сыма Шаоцзюнь, обращаясь к его спине, с ноткой печали и сожаления произнёс. — Пути к отступлению нет!

Князь Цзинь медленно пошёл, словно не слыша его слов, и покинул это место. Сыма Шаоцзюнь поднял голову и посмотрел на дерево во дворе. Десять лет назад здесь стояли двое детей, один из них держал в руках свиток и читал строки о прекрасных пейзажах и романтике.

Ваше Высочество, вы всё ещё так наивны. Вы можете видеть общую картину мира, разгадывать заговоры, но не видите того, что прямо перед вами.

У перевала к западу от храма Тяньлун Чжао-ван и Бэй Чжэнцин стояли на лошадях, осматривая окружающие их войска Цзинь. Вдалеке раздалось ржание боевого коня, и Чжао-ван взглянул туда. Князь Цзинь медленно приближался, его лицо было холодным, как лёд.

Чжао-ван сжал поводья, затем отпустил их и произнёс:

— Я поеду с тобой.

— Ха, — Цинь Юй усмехнулся, словно не слыша его слов, и напрямую приказал Ван Мэну. — В атаку!

Формирование войск Цзинь изменилось, и черные кавалеристы ринулись вперёд. Пять тысяч солдат Чжао-вана исчезли в мгновение ока. Чжао-ван, раненый стрелой, с бледным лицом был доставлен перед князем Цзинь.

— Четвёртый брат, если не заставить тебя запомнить эту боль, ты снова начнёшь беспокоиться.

Чжао-ван был бледен, его лоб покрылся крупными каплями пота. Цинь Юй взглянул на него и, обращаясь к Бэй Чжэнцину, стоявшему рядом, сказал:

— Господин, отведите Чжао-вана отдохнуть. Чуть позже нам нужно будет отправиться во дворец, чтобы просить прощения у Его Величества.

Их посадили в повозку. Чжао-ван крепко сжимал край окна, его глаза пристально смотрели на князя Цзинь, который величественно сидел на лошади.

В восьмом месяце четвёртого года эры Цзяньпин, поздней осенью, Чу Цянь убил генерала императорской гвардии Ци Яна, подделал военные приказы, связался с армией Фэнлинь и

попытался поднять мятеж. Князь Цзинь лично возглавил войска и казнил его у ворот дворца Чансинь. Семья Чу была сослана на земли цянов, а наложница князя Цзинь Чу Лань также была отправлена в ссылку.

В тот же день Чжао-ван самовольно покинул столицу, проявил неуважение к императорской милости, лишился шести северных уездов в Аньяне, и пять тысяч солдат Чжао-вана погибли у перевала к западу от храма Тяньлун.

Императорский указ был краток, но кровь у ворот резиденции князя Цзинь была ужасающей. Кровавая ночь у дворца Чансинь ещё долгие годы оставалась темой для разговоров. Все задавались вопросом, что же на самом деле произошло той ночью.

В кабинете резиденции князя Цзинь Цинь Юй лежал на кровати, глядя перед собой. Он не спрашивал, почему Лу Цун или Ван Гуанци скрывали информацию, потому что понимал, что корень проблемы не в этом. Они просто пытались угадать его мысли.

Угадывать намерения правителя, конечно, преступно, но он не мог казнить всех. Как сказал Сыма Шаоцзюнь, настоящая проблема заключалась в том, что князь Цзинь был слишком могущественным, его слава затмевала самого императора.

Иногда мы вынуждены брать в руки меч из-за страха и подозрений в наших сердцах. Если бы мы, как раньше, понимали друг друга, сегодняшних бед не случилось бы.

— Князь, — Чжао Чжипин тихо вошёл и поклонился. — Вы вызвали меня.

— Чжипин, — Цинь Юй всё ещё смотрел вперёд, спокойно спросил. — Когда я отправлюсь в заставу Тяньшунь, вы останетесь в столице. Что говорят слухи?

— Говорят.

Эх... Этот учёный, кажется, никогда не поймёт меня.

Цинь Юй взглянул на него, долго молчал, затем произнёс:

— Государственная политика только формируется, в столице и за её пределами ещё есть те, кто замышляет недоброе. Я планирую переименовать Далян в Лянцзин и переехать туда с чиновниками Императорского секретариата, оставив Его Величество и вдовствующую императрицу с их старыми советниками в столице. Так будет безопаснее.

Чжао Чжипин усмехнулся и задал вопрос, который уже звучал раньше:

— И что потом, князь?

Потом... Цинь Юй замер.

— Князь, даже если вы верны Его Величеству и не предадите его, то что будет после вашей смерти? Вы вернёте власть императору?

Чжао Чжипин покачал головой, его лицо выражало беспокойство:

— В нынешней ситуации, когда этот день наступит, согласятся ли ваши подчинённые? Будет ли император доверять им? После вашей смерти действительно ли наступит мир, или же империя распадётся? Вы действительно этого не понимаете?

— По крайней мере, пока я жив, все будет спокойно, и каждый останется в безопасности, — ответил Цинь Юй.

— Тогда вы ставите жизни людей под угрозу, и я не могу с этим согласиться, — Чжао Чжипин всё ещё говорил почтительно.

Маленький кабинет снова погрузился в тишину. Цинь Юй подумал, что если бы он был моложе, Чжао Чжипин уже был бы мёртв. Сейчас он не мог на это решиться, поэтому даже слова господина Чжао о благополучии народа уже не могли оставить его равнодушным.

— Господин, — Цинь Юй встал и глубоко поклонился. — А если я найду для вас человека, который сможет продолжать защищать народ?

— Вы говорите о князе Аньсян?

— Верно.

— Ха... — Чжао Чжипин усмехнулся, но в его голосе звучала досада. — Князь Аньсян — это не вы. Даже если он обладает талантами, будут ли его признавать чиновники? А если говорить о человеческой природе, уверены ли вы, что через сто лет князь Аньсян не захочет стать императором? Два города, два императора — это снова война. Тогда ваши сегодняшние планы будут просто абсурдом.

— Господин, — Цинь Юй посмотрел на качающиеся ветви за окном и тихо произнёс. — Я не могу этого сделать.

— Именно поэтому есть такие, как я, кто делает это за вас.

— Господин, вы не понимаете, в этой огромной стране у меня больше нет ни одного родного человека, — Цинь Юй взглянул на него, его глаза дрогнули. — Сейчас я хочу, чтобы каждый жил в мире.

Чжао Чжипин опустил голову, не отвечая. Иногда он не понимал поступков князя Цинь, но чувствовал его печаль. Как человек, который долгое время служил ему, он не мог смотреть, как его друг страдает.

— Князь, неужели это действительно необходимо?

— Когда вы впервые пришли в мою резиденцию, мы говорили о наших стремлениях. Вы хотели, чтобы мир был спокоен, чтобы князья больше не приносили бед. Я хорошо это помню. Сейчас... — Цинь Юй смотрел на него с искренностью. — Мир успокоился. То, чего вы хотели, мы с вами достигли. Теперь это всего лишь вопрос трона. Зачем всё это?

— Я принимаю ваш приказ, — Чжао Чжипин поклонился и медленно начал отходить.

— Господин, вы соглашаетесь от всего сердца? — Цинь Юй остановил его вопросом.